

Екатерина Селезнева

Устроители выставки «Меланхолия: гений и безумие Запада», которая с успехом демонстрируется сейчас в парижском Гран-Пале, полагают, что меланхолические сюжеты красной нитью проходят через всю историю европейского искусства – от античности до наших дней. Ни одно из состояний человеческой души не притягивало, пожалуй, на протяжении веков столь пристального внимания лучших умов Запада. Выставка затрагивает темы, к которым человечество до сих пор относится с неослабевающим интересом: под разными именами и формами меланхолия во все времена привлекала медиков, философов, художников. Неразрывно связанная с изобразительным искусством, она дала рождение обширной иконографии, в которой нашли свое выражение кротость и насилие, прострация и ярость, мечтательность и разочарование. На выставке экспонируется более 200 произведений, которые вместе составляют впечатляющую панораму.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ меланхолии

По традиции считается, что меланхолический темперамент, часто являющийся причиной душевных страданий и даже безумия, характерен для многих великих людей – героев и гениев. Эта двойственность отражена в другом, принятом в Средние века названии меланхолии – «святая болезнь». Однако в современном мире она больше известна под термином «депрессия». «Нынешнее общество со своим заторможенным динамизмом и условной улыбкой производит столько депрессивных особей, сколько прежде никогда не производило», – считает куратор выставки Жан Клер, обосновывая актуальность проекта, ставшего настоящей энциклопедией меланхолии, охватывающей период в 2400 лет.

Своеобразным прологом в освещении истории вопроса является I раздел выставки – античный.

В начале IV века до н. э. Гиппократ отмечает наличие в человеческом теле четырех компонентов, влияющих на настроение – крови, мокроты (флегмы), желтой и черной желчи. Черную желчь в греческих медицинских трактатах этого времени и называют словом «меланхолия» (*melan* – черная, *chole* – желчь). Именно недостаток или избыток этой желчи вызывает чувства грусти, подавленности или ярости. Эта таинственная субстанция, это «плохое настроение» зарождается в человеческом органе темного цвета – селезенке, которая по-английски называется хорошо знакомым словом *spleen*. В отличие от отмеченных Гиппократом символов трех других настроений, связанных с выделением человеком желтой желчи, мокроты, изменением состава крови, черная желчь – вымысел, метафора, плод воображения. В действительности ее у человека нет.

«Как случается, что некоторые люди любезны, смешливы и расположены к шуткам, другие же – унылы, угрю-

◀ Альбрехт ДЮРЕР
Меланхолия. 1514
Литография
24 x 18,9
Музей Ениш, Вевей

◀ Albrecht DURER
Melancholy. 1514
Lithograph
24 by 18.9 cm
Musée Jenisch, Vevey

Аякс
Римская скульптура.
Начало эпохи Августа.
Малая Азия
Бронза. В. ок. 29

Аякс
Minor Asia.
Roman, early years
of Augustus reign
Bronze. H. c. 29 cm

мы и подавлены, встречаются еще и раздражительные, неистовые, гневливые особы, а в то же время есть и вялые, нерешительные и застенчивые? Причина кроется в четырех настроениях. ...Те же, коими управляет черная желчь, – вялые, застенчивые, болезненные ... у них темный цвет лица и черные волосы» (Аноним. «О происхождении Вселенной и человека». Греция. II в. н. э.).

Как уже говорилось, происхождение меланхолии туманно. Первоначаль-

но словом «меланхолия» обозначалось одно из естественных настроений человека, один из четырех людских темпераментов. Со временем прибавилось и другое значение – это болезнь, связанная с определенными нарушениями состояния человека. В тексте, приписываемом Аристотелю, меланхолия связывается с гениальностью и безумием. Эта работа знаменует собой начало долгого периода созидательной меланхолии со своими героями, такими, как Афина,

Those who initiated the exhibition “Melancholy: Genius and Madness in the West” that recently opened at the Galleries Nationales du Grand Palais in Paris are sure that subjects invoked by and devoted to melancholy can be traced throughout the history of European art, from Antiquity to the present day. No other state of the human soul seems to have evoked so considerable interest among so many illustrious figures of the Western world over the centuries as this mood.

Yekaterina Selezneva

VARIATIONS ON THE THEME OF Melancholy

The exhibition at the Grand Palais touches upon the subject that, under different names and in different forms, has equally intrigued physiologists, psychologists, philosophers and artists. Inspired by melancholy, men of art have created an enormous iconography illustrating that special moodiness which may imply both meekness and violence, prostration and rage, dreaminess and disappointment. Composed of more than 200 works of art, the exhibition presents an impressive panorama of the melancholic.

Traditionally, the melancholic temperament is thought to be the harbinger of mental suffering and even insanity, quite often found in men of genius and heroes. The fact demonstrating the dubious nature of the phenomenon led to the medieval name of the mood that was referred to as the “sacred disease”. Even today, melancholy is viewed with mysticism, although contemporaries prefer to call it, in medical terminology, depression. “Present-day society that suffers from inhibited dynamism concealed behind a conventional smile, is able to produce much more depressive persons than any preceding generation,” says Jean Clair, the curator of the exhibition. He thinks that the current exhibition is a relevant contemporary Encyclopaedia of Melancholy, allowing a breathtaking look at human history over more than 2,400 years.

The introductory Antique section of the exhibition is meant to bring light to the origin of the issue. In the early 4th century B.C., Hippocrates attributed low moods to an imbalance in the four fluids corresponding to the four humours: blood to sanguine, phlegm to phlegmatic, yellow bile to choleric, and black bile to melan-

Лукас
КРАНАХ Старший
Меланхолия. 1532
Дерево, масло.
76,5 × 56
Музей Унтерлинден,
Кольмар

Lucas
CRANACH the Elder
Melancholy. 1532
Oil on panel
76.5 by 56 cm
Musée d'Unterlinden,
Colmar

Жерар де СЕН-ЖАН ▶
Иоанн Креститель
в пустыне
Ок. 1480-1485
Живопись по дереву
42 × 28
Государственные музеи
Берлина, Картинная галерея

Gerard de SAINT-JEAN ▶
St. John the Baptist in
the Desert. C. 1480-85
Painting on panel
42 by 28 cm
Staatliche Museen,
Gemäldegalerie, Berlin

Аякс, Геракл... Вспомним, например, как страшно разгневался в первой главе «Илиады» «пространно-властительный царь» Агамемнон на Ахилла: «Царь Агамемнон гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень». «Вот, – добавляет далее Гомер в оригинальном тексте, – какими становятся меланхолики, когда их возбуждает зло». Меланхолия еще не связана точной иконографией. Но именно в это время возникают надгробные стелы с медитирующим персонажем, подпирающим голову рукой, – впоследствии эта поза станет наиболее характерным изображением меланхолии.

В конце III века на Востоке некоторые христиане покидают свои дома и семьи, чтобы обосноваться в пустынях Египта и Сирии. Там им часто приходится переживать особое меланхолическое чувство, которое сродни унынию, часто искушающему монахов. Это искушение, которое одно время считалось смертным грехом для отшельников, получило латинское название *acedia*. *Acedia*, или «бесовской бане», посвящен II раздел выставки.

Однажды святой Антоний, бродя по пустыне, сел отдохнуть и почувствовал, что им овладело ужасное уныние (*acedia*), сопровождавшееся страшными, черными мыслями. Он обратился к Богу: «Господи, я хочу спастись, но эти мысли не оставляют меня. Как мне поступить с моей печалью? Как спастись?» (Апокриф Отцов Церкви. V в.). Со временем *acedia* начинает ассоциироваться с дьявольским искушением. И именно в этом смысле становится предметом средневековых исследований.

Интерес к *acedia* возвращается в XIX веке: она волнует и Сент-Бева, и Шатобриана, и Кьеркегора, и Бодлера, и Флобера, который в своем «Искушении святого Антония» впечатляюще описывает эти муки: «Как мне скучно! – вскричал ананорет, – я хотел бы уйти куда-нибудь, но не знаю куда, я не ведаю, чего хочу, у меня даже нет воли желать чего-либо. Неужели вся моя жизнь так и пройдет... Откуда, черт возьми, взялись у меня эти мысли?» Конечно, они взялись от лукавого, от этого оборотня, этого признанного истязателя и искусителя рода человеческого. «В глубине души я не люблю Господа, – признает флорберовский Антоний и продолжает, – душа моя как будто обернута мокрыми покрывами, а в животе моем – смерть... Я брошусь сейчас с громкими воплями на землю, раздирая свое лицо ногтями, вцепляясь во что-нибудь зубами». Флоберу удается удивительно точно описать симптомы «святой болезни» монашества, и этой чумы души, охватившей христианство, и подвести своеобраз-

ный итог многочисленным исследованиям, произведенным по этому поводу, как Отцами Церкви, так и алхимиками, и астрологами.

В Средние века меланхоликов иногда называют «детьми Сатурна» – часто это люди, по той или иной причине отброшенные обществом. Влияние планеты Сатурн на человека призна-

ется вредным: эта удаленная от Земли планета ассоциируется с холодностью и тяжестью, ее талисман – свинец. А образ Сатурна, пожирающего своих детей, которого избегший этой участи Зевс оскотил, прежде чем навсегда изгнать с Олимпа, усиливает негативное восприятие. Черная желчь начинает ассоциироваться с первородным гре-

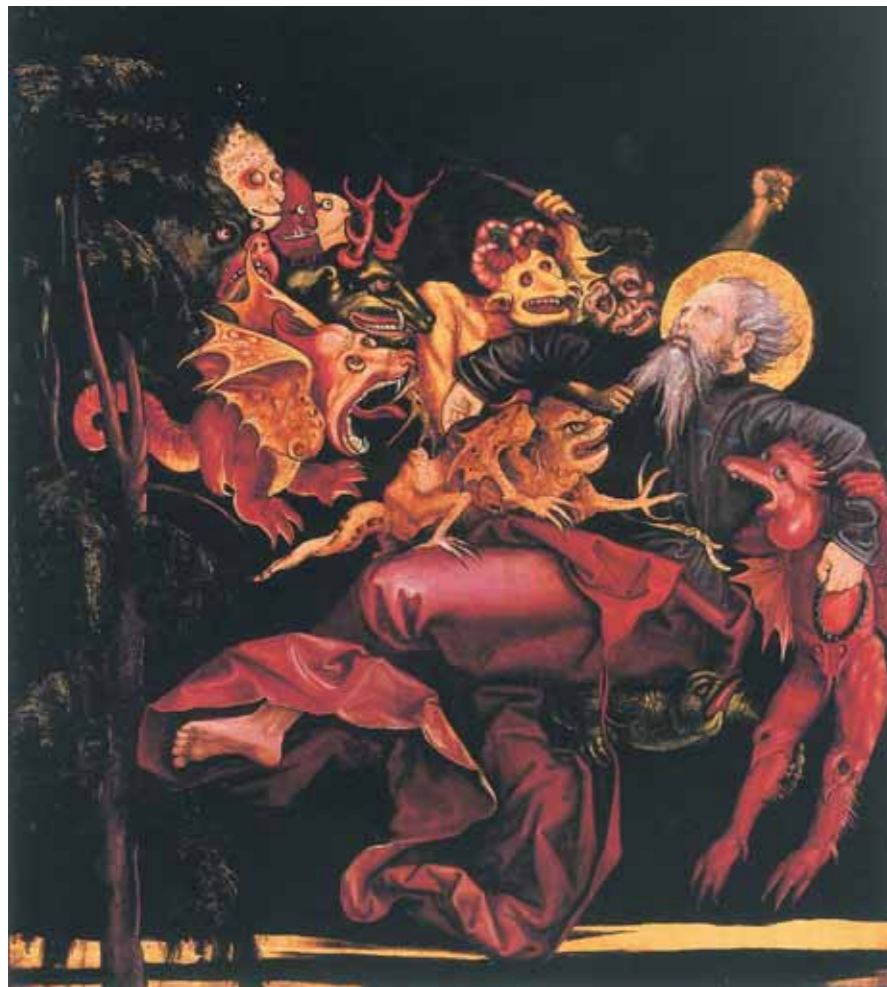

Шарль ЛЕ БРЕН
Три мужские головы
похожие на волчьих
Тонированная бумага,
уголь, белила
20,5 × 28,5
Лувр, Париж

Charles LE BRUN
Three Male Heads
Resembling the Wolf.
Black chalk on beige
paper, heightened with
white
20.5 by 28.5 cm
Louvre, Paris

cholic. The latter was referred to in the ancient Greek medical discourses as melancholia, the word deriving from *melan* meaning black and *chole* – bile. According to Hippocrates, it was either excess or deficiency of black bile that caused negative feelings, depression or rage. That mysterious substance, that black moodiness was produced, the ancient Greeks believed, by a human organ of dark colour known under the

familiar name of spleen. While the other three humours denoted by Hippocrates as yellow bile, phlegm and blood really exist and can affect human mood, black bile is just a fiction – a fruit of the imagination and no more. Although the nature of melancholy is still rather vague, besides the above meaning, the word with time started to denote a disease and certain mental disorders accompanying it. One ancient text allegedly written by Aristotle

Неизвестный художник
Св. Антоний,
искушаемый демоном
Ок. 1520
Дерево, масло. 89 × 78
Вальраф-Рихардс-Музеум,
Кельн

Anonymous
St. Anthony Tempted
by Devil. C. 1520
Oil on panel, 89 by 78 cm
Wallraf-Richartz-Museum,
Cologne

attributes melancholy to both genius and insanity. That text heralded a long period of creativity induced by constructive melancholia that brought to life such images of gods, goddesses and heroes as Athena, Ajax, Hercules, Agamemnon and many others.

Although melancholia was not yet associated with any specific iconography, it was in the days of the Greek civilization that funeral steles started to be decorated with brooding figures burying their heads in their hands. Later they would become a model for the most common portrayal of the melancholic. At the end of the 3rd century some Christians of the Middle East would give up their homes and families to settle in the deserts of Egypt and Syria, seeking for conciliation of some special

Дени МАРТИНО
Часы в форме черепа
Ок. 1630
Самшит, латунь, железо
4,4 × 3,2 × 3,8
Национальный музей
Ренессанса, Экзон

Denis MARTINOT
Watch in the form
of a skull. C. 1630
Box-tree wood, brass
and iron
4.4 by 3.2 by 3.8 cm
Musée national
de la Renaissance. Ecouen

хом, а меланхолический темперамент восприниматься как наихудший из четырех природных.

Но в эпоху Ренессанса отрицательное отношение к меланхолии постепенно меняется. В XV веке представление о вере пересматривается с гуманистических позиций. Выясняется, что к меланхолии бывали склонны в разное время и главные действующие лица Евангелия: Богородица, Мария Магдалина, Иоанн, сам Христос и другие... Меланхолия, темы медитации, скорби, печали становятся сюжетами многочисленных аллегорий. Меланхолия теперь предстает амбивалентной: именно она побуждает людей к творчеству, размышлениям, познанию жизни, но она также полна опасных тайн, неразрешимых загадок, склонна к колдовству, мистицизму, фантазиям и мечтаньям. Настоящая мода на меланхолию охватывает Европу: художники, музыканты, поэты, архитекторы и ученые – все мнят себя меланхоликами. Размышлениям на эту тему и посвящен III раздел выставки, озаглавленный «Дети Сатурна: Возрождение».

IV раздел назван «Анатомия меланхолии». В 1621 году английский пастор Роберт Бартон публикует книгу с аналогичным названием, вновь переводя изучение меланхолии в сугубо медицинскую плоскость. Действительно, к началу XVII века увлечение меланхолией идет на спад, и объявить кого-то меланхоликом означает признать его больным, почти сумасшедшим. Меланхолия теперь олицетворяет собой преимущественно аллегория смерти. Появляется большое количество экспонатов для разного рода кунсткамер, а также произведений, посвященных теме «*memento mori*».

Следующий, V раздел раскрывает трактовку темы меланхолии в XVIII веке – веке Просвещения. Лучшие умы этого времени пытаются обосновать необходимость нового социального порядка, основанного на критериях разумности, и поэтому меланхолия воспринимается ими как одна из опасных форм помутнения разума, тяжелейший недуг.

«Тяжко думать, что ты живешь в вечном хаосе, что ты часть разболтанной машины, которая в любую минуту может сломаться и в которой нет ничего доброго, удовлетворительного, ничего, что не вызвало бы презрения, ненависти и отвращения! Эти мрачные и меланхолические мысли всегда влияют на характер, затрагивают общественные чувства, ухудшают настроение, ослабляют любовь к справедливости и со временем подрывают добродетельные принципы», – сокрушается Дени Дидро. Опубликованная в 1799 году гравюра Ф.Гойи «Сон разума рождает чудовищ», пожалуй, наиболее

Николас ХИЛЛИАРД
Портрет
Генри Перси,
9-го графа
Нортумберлендского
Ок. 1594
Миниатюра
на пергаменте
25,7 × 17,3
Рейксмузеум, Амстердам

Nicholas HILLIARD
Portrait of Henry
Percy, 9th Earl
of Northumberland
C. 1594
Miniature
on parchment
25.7 by 17.3 cm
Rijksmuseum, Amsterdam

точно передает идею восприятия темы меланхолии в изобразительном искусстве того времени. Меланхолия объявлена серьезной болезнью. Больных отправляют в специальные приюты и лечебницы, изучают, пытаются избавиться от недуга и изолируют от общества.

Но как же все-таки поступить с этой нежной, сентиментальной человеческой слабостью, правомерность существования которой признает в конечном счете и тот же Дидро (меланхолик по определению): «Меланхолия ... это чувство, основанное на идеях поиска некоего совершенства, которое невозможно обнаружить ни в себе, ни в окружающих... ни в природе». И все же именно в Природе находит приют та поэтическая Меланхолия, которая сродни одиночеству таланта, непонятости гения. Меланхолическая муза прячется от реального мира, который кажется ей все

более и более чужим, в романтических лесах и руинах, заброшенных замках и башнях. Совсем как у романтика Жерара де Нерваля:

*Я в горе, я вдовец, темно в душе моей.
Я аквитанский принц, и стены башни пали.
Моя Звезда мертва – свет солнечных лучей
Над лютней звонкою скрыт черной мглой печали.*
(1853)

Сопровождавший век Просвещения романтизм (VI раздел выставки) со временем окреп и заявил о себе, как о самостоятельном художественном течении. Провозглашенная Ницше смерть Бога, ослабление веры способствовали усилению чувства одиночества, покинутости, богооставленности. Выразителем этих настроений в изобразительном искусстве становится пейзаж, который часто выглядит аллегорией уже упоминавшейся ранее средневековой *acedia*,

Жорж де ЛА ТУР
Магдалина
с лампадой
Ок. 1640–1645
Холст, масло
128 × 94
Лувр, Париж

Georges de LA TOUR
Magdalene with a Lamp
С. 1640–45
Oil on canvas
128 by 94 cm
Louvre, Paris

pious state of mind. There, alone in the desert, they were sometimes to suffer from the melancholy mood that was akin to the dejection known to tempt monks. The temptation that was once thought among hermits to be a deadly sin received the Latin name *acedia*, later associated with possession, and in that sense known as the subject of numerous medieval tracts which condemned it as preparation to the devil's bath. The second section of the Grand Palais exhibition illustrates that kind of melancholia.

Acedia became the focus of attention on the part of 19th-century thinkers and men of letter such as Sainte-Beuve, Chateaubriand, Kierkegaard, Baudelaire and Flaubert. Flaubert was very skilful at depicting the state in his "Temptation of St. Anthony", describing most precisely the symptoms of the "sacred disease" common in medieval monasteries, a sort of plague of the soul, an epidemic widely spread in the Christian world at the time of St. Anthony. The writer also managed to sum up the

numerous notes on the subject written by the church fathers, natural philosophers and astrologers.

In medieval Europe people given to melancholy were called "children of Saturn", and for some reason they often happened to be outcasts. Saturn was thought by astrologers a very evil planet to be born under: situated far-away from Earth it was associated with coldness and heaviness and, as the old alchemists believed, typified lead. In Roman mythology Saturn devoured all his children, a fact that aggravated the negative implication of the name. Moreover, in the minds of people black bile was linked to original sin, meaning that melancholy was perceived as the most sinister of the four humours.

The Renaissance developed a less hostile attitude towards melancholia. As Western theologians took a more humanitarian look at some postulates of the church in the 15th century, believers had to agree that even the major figures of the Gospels, such as the Virgin Mary, Maria Magdalene,

Луи ЛАГРЕНЕ ▶
Меланхолия
Ок. 1785
Холст, масло
50 × 62,5
Лувр, Париж

Louis LAGRENEE ▶
Melancholy
С. 1785
Oil on canvas
50 by 62.5 cm
Louvre, Paris

John the Apostle and Jesus Christ himself, at some time felt the emotion. From that time onwards melancholy, sad contemplation, sorrow and desolation became the subjects of numerous allegories. The phenomenon of melancholy became ambivalent: on the one hand, it encouraged people towards creation, meditation and cognition; on the other, it was full of dangerous secrets and a mysticism that might lead to sorcery, dark fantasies and black magic. Melancholy turned into a fad: artists, musicians, poets, architects and scholars pretended to be melancholic. This period of the history of melancholia comprises the content of the third section of the exhibition, "Children of Saturn. Renaissance".

The following part is named "Anatomy of Melancholy". In 1612 a book of the same name was published by the English minister Robert Burton who, like the ancient Greeks, looked at the subject from an exceptionally medical point of view. True, the fashion for melancholy seemed to be declining by the beginning of the 17th century, and to term someone melancholic was the same as to suggest disease, equal almost to insanity. Melancholy, actually, began to typify the Allegory of Death. That time was characterized by the appearance of all various kinds of *kunstkameras* and *Memento Mori* works of art.

The 18th century, the age of the Enlightenment, suggested its own conception of the topic of melancholia, featured in the fifth section of the exhibition. The wiser figures of the time were working on new rational principles of making a society, and for them melancholy seemed a dangerous sort of irrationality, insanity and a serious malady. Goya's engraving "The Sleep of Reason Produces Monsters" from 1799 seems to be the most precise illustration of such a conception in art. Melancholy was condemned as a dangerous disease; those who were ill with it were doomed to be sent to madhouses and asylums to be studied, treated and isolated from the rest of the society.

Society, however, found itself faced with a difficult problem of distinguishing between real madness and the tender, sentimental weakness displayed by some talented men. The existence of the latter was recognized even by Denis Diderot who described melancholy as a feeling based in the ideas of perfection that could never be found either in oneself, or in the people around, or in nature. Nevertheless, it was nature that sheltered the persecuted gentle melancholic heart of a lonely talent or rejected genius.

Romanticism, the partial partner of Enlightenment, displayed more zest for life and in time created a distinct image in literature, music and art, as illustrated in the exhibition's sixth part. Moreover, the evident decline of faith in the West heralded by Nietzsche in his statement that "God is

Франсиско ГОЙЯ
Время, или Старуха
Ок. 1808–1812
Холст, масло. 181 × 125
Дворец изящных искусств,
Лилль

Francisco GOYA
Time, or an Old Woman
С. 1808–12
Oil on canvas
181 by 125 cm
Palace of Fine Arts, Lille

Джузеппе
АРЧИМБОЛЬДО
Осень. 1573
Холст, масло
76 × 63,5
Лувр, Париж

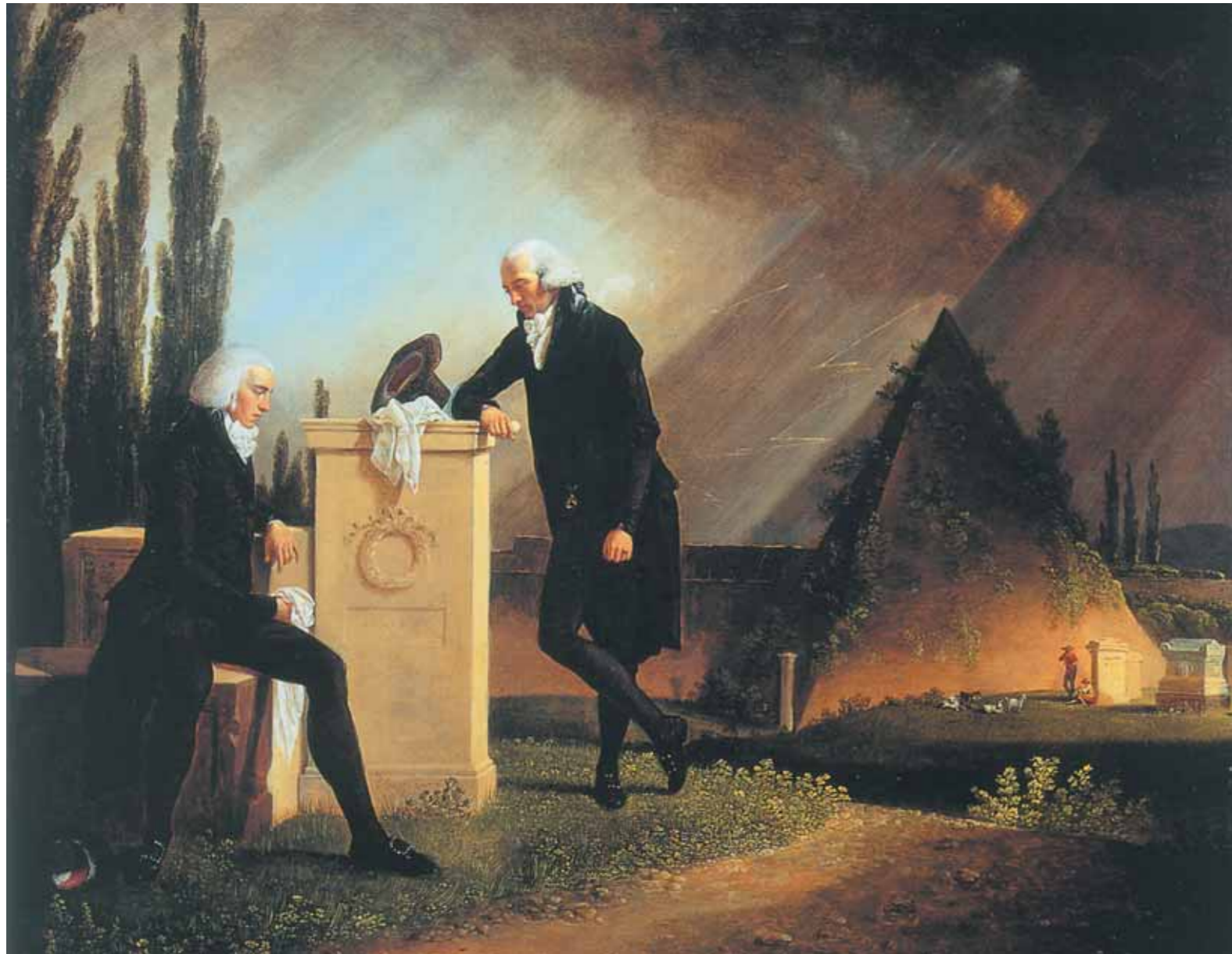
Giuseppe
ARCIMBOLDO
The Autumn. 1573
Oil on canvas
76 by 63.5 cm
Louvre, Paris

представляя природу как новую Пустыню, населенную воображаемыми, фантазмагорическими существами или демонами.

В XIX веке меланхолия окончательно признается заболеванием и меняет имя, теперь ее медицинское название, по определению выдающегося французского врача Ж.-Э.-Д.Эскироля, «липемания» – «церебральное заболевание, характерное частичным хроническим бредом, протекающее без температуры, сопровождающееся подавленным, расслабленным, угнетенным состоянием». В теории челове-

Жак САБЛЕ
Римская элегия
(Двойной портрет на
протестантском
кладбище в Риме)
1791

Холст, масло
62 x 74
Музей изящных искусств,
Брест, Франция

Jacques SABLET
Roman Elegy
(Double Portrait in
the Protestant
Cemetery in Rome)
1791

Oil on canvas
62 by 74 cm
Museum of Fine Arts, Brest

dead" aggravated mankind's sense of loneliness, forlornness and desolation. Landscape became the field of expression for such emotions. A romantic landscape looked rather like an allegory of the medieval *acedia*, viewing nature as a land of desolation, a desert inhabited by imaginary and phantasmagoric creatures or demons.

The 19th century stigmatized melancholy definitively as a malady, defining it with the medical term "lepomania", or cerebral illness characterized by fits of partial chronic delirium displayed without any high temperature and accompanied by a depressed and dejected condition. It was in the 17th century, when the concept of circulation of the blood was discovered, that the theory of melancholy referring to human temperament was put into doubt for the first time. But only in the 19th century was melancholy finally determined as irrelevant to such a theory. In medical literature melancholia was denoted with the term "mania" ("lepomania" was rejected) and doctors were surprised to find out that persons claiming to be ill with that disease

were really suffering (earlier such patients were not thought to have any real complaints). In the 20th century, Sigmund Freud published his article "Mourning and Melancholia" in 1915, that claimed such feelings were associated with thoughts of death. The seventh section of the exhibition is devoted to this subject.

Present-day Western psychiatrists still cite melancholy among the most serious forms of manic-depressive psychosis. The final section is titled "Angel of History, Melancholy and Contemporary Life".

The failure of all the great social utopias, the monstrous bloodbath of war and totalitarian regimes resulted in making the thinking individual, on the one hand, sink into an abyss of incurable feelings of hostility and estrangement from the surrounding world; and, on the other hand, led him to seek shelter in historical research or art. Despite the youthful optimism of the avant-garde artists, melancholy still remains a major source of inspiration for contemporary artists. Its sentiments are more or less clearly displayed in the relations of charac-

ters and through certain attributes evidently borrowed from the engravings of Albrecht Dürer, although depression in such contemporary works acquires characteristics of mockery and the grotesque.

The organizers of the exhibition borrowed from the Tretyakov Gallery Boris Kustodiev's "The Bolshevik" which, accompanied by works from the brush of Giorgio de Chirico, Eduard Munch, Otto Dix, Anselm Kiefer and Edward Hopper, looks like a brutal allegory of the inevitable submission of an individual to the authorities. The proletarian Gulliver marching through the crowds of people looks like the Wheel of Fate crushing everything that gets in the way.

Thousands of times the repeated optimistic slogans of a positive society seem disappointingly hopeless, and every morning appear new millions of depressive persons. "It is high time to start thinking and living anew," says Jean Clair. The Grand Palais exhibition gives much food for reflection – reflection on serious and far from uplifting matters.

ских темпераментов впервые усомнились в XVII веке, после открытия кровообращения, но только в XIX веке меланхолию как болезнь окончательно отделили от этой теории. В медицинской литературе слово меланхолия все чаще заменяется словом «мания» («липомания» так и не прижилась!), а врачи с удивлением отмечают, что люди, подверженные этому заболеванию, часто испытывают глубокие страдания – ранее считалось, что такие больные ничего не чувствуют. В XX веке появляется статья Зигмунда Фрейда «Скорбь и меланхолия» (1915), которая выявляет связь между меланхолией и мыслями о смерти.

Размышлениям на эти тяжелые и грустные темы посвящен VII раздел выставки. Сегодня западные психиатры меланхолией называют одну из самых тяжелых форм маниакально-депрессивного психоза. Заключительный, VIII раздел выставки озаглавлен «Ангел истории. Меланхолия и современность».

Поражение великих социальных утопий, чудовищные войны, тоталитарные режимы, с одной стороны, погружают мыслящего человека в пучину неизлечимых чувств враждебности, чуждости окружающего мира, а с другой – заставляют искать прибежище в истории и культуре. «Меланхолия, несмотря на отмежевание от нее авангардистов, все же неотступно преследует современное искусство. В произведениях она проявляется более или менее отчетливо через отношения персонажей или через присутствие атрибутов, одолженных у Дюрера. Депрессия присутствует в современных работах чаще всего в виде насмешки или гротеска», – утверждает французский искусствовед Денис Риу.

По просьбе устроителей Третьяковская галерея представила на этой выставке картину Б.Кустодиева «Болшевик», которая в окружении работ Де Кирико, Мунка, Дикса, Кифера, Хопера выглядит брутальной аллегорией неизбежности подчинения власти. Шагающий на фоне огромного красного знамени пролетарский Гулливер кажется неотвратимым посланцем Рока, все давящим на своем пути.

«Тысячу раз повторенные оптимистические слоганы «позитивного» общества обескураживающе безнадежны и каждое утро фабрикуют новые миллионы депрессивных особей. Пришло время снова начать размышлять и жить», – считает Жан Клер.

Эта серьезная выставка действительно дает богатую пищу для не очень веселых размышлений.

После Парижа экспозиция будет представлена в Берлине с 17 февраля по 7 мая 2006 года.

Б.М. КУСТОДИЕВ
Болшевик. 1920
Холст, масло
101 x 141
ГТГ

Boris KUSTODIEV
The Bolshevik. 1920
Oil on canvas
101 by 141 cm
Tretyakov Gallery

Рон МУК
Без названия
(Большой человек)
2000

Резина из полиэстера
на оргстекле, тонировка
203,8 x 120,7 x 204,5
Музей Хиршхорна, Вашингтон

Ron MUECK
Untitled (Big Man).
2000

Pigmented polyester
resin on fiberglass
203.8 by 120.7
by 204.5 cm
Hirshhorn Museum
and Sculpture Garden,
Smithsonian Institution,
Washington